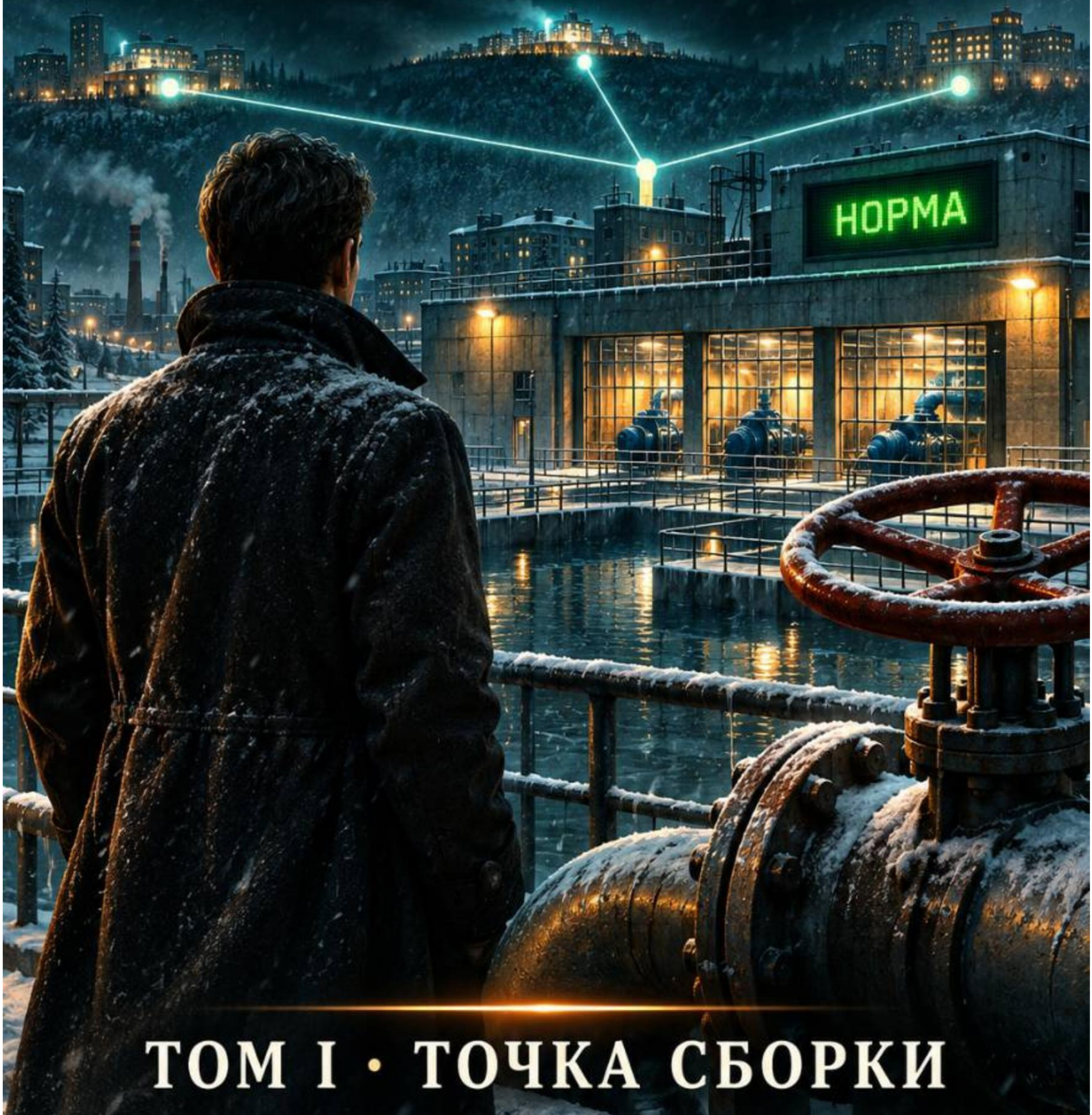
АЛЕКСЕЙ ГРАНОВ

ИНЖЕНЕР ИМПЕРИИ

ТОМ I · ТОЧКА СБОРКИ

Алексей Гранов

Инженер Империи. Точка сборки.

«Автор»
2026

Гранов А.

Инженер Империи. Точка сборки. / А. Гранов — «Автор», 2026

В 03:17 город перестал существовать. Никто этого не заметил.На экранах Новолесска горит зелёное слово «НОРМА». Но больницы остаются без воды, аварийные системы отключены, а город стремительно теряет управление.Инженер Артём Веденин, уволенный за отказ подписать опасные документы, становится главным подозреваемым в катастрофе.Чтобы спасти город и доказать свою невиновность, ему предстоит раскрыть заговор могущественного «Контура» и тайну разработок собственного отца.Но Новолесск — лишь начало.Когда система управляет миллионами жизней, кто осмелится бросить ей вызов?«Инженер Империи» — захватывающий технотриллер о власти, предательстве и человеке, решившем изменить правила игры.

© Гранов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ 6
Глава 1. Четыре минуты тишины 7
Глава 2. Старая диспетчерская 10
Глава 3. Норма 13
Глава 4. За решёткой 17
Глава 5. Один бар 21
Глава 6. Письмо с чужого стола 25
Глава 7. Время без сервера 29
Глава 8. Дно Верхнего 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Алексей Гранов
Инженер Империи. Точка сборки.

АЛЕКСЕЙ ГРАНОВ
ИНЖЕНЕР

ИМПЕРИИ
Том I. Точка сборки
Расширенная литературная редакция · 36 глав

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Четыре минуты тишины
Глава 2. Старая диспетчерская
Глава 3. Норма
Глава 4. За решёткой
Глава 5. Один бар
Глава 6. Письмо с чужого стола
Глава 7. Время без сервера
Глава 8. Дно Верхнего
Глава 9. Тихий приказ
Глава 10. Документ, который не исчез
Глава 11. Запас хода
Глава 12. Цена чужого решения
Глава 13. Протокол воды
Глава 14. Человек внутри схемы
Глава 15. Совет без председателя
Глава 16. Пятый узел
Глава 17. Длинная связь
Глава 18. Право отмены
Глава 19. Верхнегорский мороз
Глава 20. Договор тишины
Глава 21. День без фамилии
Глава 22. Разница в три минуты
Глава 23. Границы допуска
Глава 24. Белоярский насос
Глава 25. Третий город
Глава 26. Сеть без хозяина
Глава 27. Свидетель по должности
Глава 28. Второй ключ
Глава 29. Ночь нагрузки
Глава 30. Цена открытого журнала
Глава 31. Точка отказа
Глава 32. Неизвестный в кадре
Глава 33. Отмена команды
Глава 34. Точка сборки
Глава 35. Первое утро
Глава 36. Империя

Глава 1. Четыре минуты тишины

В 03:17 город перестал существовать.

Никто этого не заметил.

На площади Советских Инженеров рекламные экраны обещали Новолесску «сто процентов цифровой надёжности». Светофоры меняли цвета над пустыми перекрёстками, в новом квартале ходили лифты, серверы администрации принимали платежи за воду. Город продолжал отчитываться о собственной исправности.

В диспетчерской седьмой больницы начальник инженерной службы Нина Климова смотрела на зелёную строку: «ВОДОСНАБЖЕНИЕ — НОРМА».

Стрелка манометра лежала на нуле.

Нина постучала по стеклу костяшкой пальца. Манометр не дрогнул. Она открыла кран над старой эмалированной раковиной. Труба зашипела, выбросила три мутные капли и умолкла.

— Только не сегодня, — сказала Нина.

За стеной, в предоперационной, заплакал ребёнок. Ночь в больнице никогда не бывала тихой: пищали мониторы, дребезжал лифт, кто-то звал санитарку. Но сейчас привычным звукам будто недоставало главного — ровного шума воды в трубах.

Нина набрала центральную диспетчерскую.

— Городская служба мониторинга. Ваше обращение очень важно для нас, — безупречно вежливо сообщила запись.

Она положила трубку, не дослушав.

В коридор вбежал Антон Рябинин, дежурный хирург. Ему было двадцать семь, и он до сих пор носил халат так, словно тот давал право не бояться.

— Нина Павловна, на пятом этаже давление упало. Стерилизационная остановилась. Система пишет: локальная неисправность.

— Система много чего пишет.

— Нам вызвать аварийную?

— Вызови аварийную. Подними старших сестёр: расход воды — только необходимый. Операционным передай, что стерилизационная встала. И пусть Петрович проверит баки.

Антон посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который велит выносить мебель, когда дыма ещё не видно.

— У нас же резерв.

— У нас есть слово «резерв» в документах. Сейчас выясним, есть ли он в здании.

Она пошла в подвал сама. Лифта не ждала: в такую ночь он мог стать ещё одной неисправностью. На лестнице пахло хлоркой и холодным железом. Внизу её встретил Петрович, механик с лицом человека, который двадцать лет не видел хороших новостей и перестал тратить силы на удивление.

— Основные баки заполнены на треть, — сказал он вместо приветствия. — По журналу должны быть полными.

— Кто журнал вёл?

— Автоматика.

Нина остановилась. В обычную ночь она бы выругалась. Но сейчас ей стало не до злости: злость предполагает, что виновного можно позвать по имени. Здесь работала ровная, ласковая ложь, у которой не было лица.

— Дизель для генераторов?

Петрович не ответил сразу. Это было хуже любого ответа.

— Если пропадёт городская сеть, топлива хватит на сорок две минуты при полной нагрузке. Если экономить — чуть больше часа.

— Почему?

— Не знаю. Счётчик в системе показывал норму. И вчера, и сегодня.

Нина взяла у него фонарь. Луч дрожал — от её руки, не от батареи. В дальнем конце машинного зала стояли два пластиковых бака, на каждом маркером было выведено: «НЕ ТРОГАТЬ. АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС ВОДЫ». Она отвернула нижний сливной кран. Не вытекло ни капли.

* * *

Нина подняла лист из металлической папки, где Петрович хранил данные последней ручной проверки. Последняя запись была сделана восемь месяцев назад. В графе «замечания» стояло: «необходимо подтвердить резервную ёмкость фактическим замером». Ниже шли три одинаковых отметки: «исполнено автоматически». Она вспомнила заседание приёмочной комиссии. В комнате с белыми стенами представитель подрядчика показывал на экране красивую объёмную модель больницы. Красные трубы там меняли цвет на зелёный, стоило нажать клавишу. Когда Нина попросила осмотреть бак, мужчина в дорогих туфлях ответил, что система уже предоставляет более точные сведения, чем любой осмотр.

— Я тогда подписала акт с замечаниями, — сказала она. — А они приняли его как акт без замечаний.

Петрович помолчал.

— Я мог дойти сюда вчера. И позавчера мог. Всё думал: зачем лезть, если у меня в журнале зелёное? Разговоры про эффективность, про лишние обходы… Я ведь тоже поверил.

— Сейчас не будем делить вину, — сказала Нина. — Сейчас будем делить оставшееся время. Выводи на бумагу все объёмы и все потребители. Не приблизительно. Сколько воды требуется отделениям, сколько можем привезти, кто распишется за каждую канистру. И позови Антона: ему надо знать, что «экономия» не означает остановку помощи.

Она представила три этажа между ними и реанимацией. Там спали пациенты, которые не знали слова «резервирование», и работали люди, которые не должны были о нём думать. От этой несправедливости ей вдруг стало холоднее, чем в подвале. Ещё утром она хотела подать заявление о переводе: больница устала от бесконечных реформ, начальство — от её писем, она сама — от борьбы за каждый фильтр. Теперь уходить было некуда. Именно этот подвал и оказался местом, где необходимо было остаться.

* * *

В 03:21 — через четыре минуты после падения давления — городской вычислительный центр зарегистрировал успешное завершение аварийного сценария. Все команды были подписаны действующим цифровым сертификатом. В строке «ответственный» стояло имя Артёма Веденина. Ни одного предупреждения система не отправила.

Артём Веденин в это время сидел на полу своей кухни и решал, выбросить ли папку с расчётами или сначала допить остывший чай.

В квартире было темно. После увольнения Артём часто не включал свет: темнота не требовала объяснений. На столе лежали письма из банка, два отказа на вакансии и лист с крупной надписью «НЕ ПОДПИСЫВАТЬ». Он написал её в последний рабочий день, когда понял, что подпись от него требуют не за расчёты, а за покорность.

* * *

За три месяца до увольнения Артём сидел в том же кресле, на котором теперь лежала куртка, и проверял протокол ночного теста. Разработчики назвали операцию безобидной: «проверка непрерывности полномочий после смены кадрового статуса». В техническом задании мелким шрифтом было записано, что резервный сертификат может пережить увольнение сотрудника до следующего планового обновления. Он обвёл эту строку красным и отправил

замечание. Ответ пришёл почти сразу: «Риск компенсирован централизованным мониторингом». Слово «компенсирован» ничего не объясняло: оно не говорило, кем, когда и за чей счёт.

На следующий день руководитель проекта пригласил его к себе. В кабинете пахло кожей нового кресла и кофе. Ему предложили оставить замечание в рабочей переписке и подписать общий акт. Артём спросил, кто будет отвечать, если однажды чужой человек воспользуется его именем. Начальник поморщился: «Вы хотите остановить внедрение из-за воображаемого злоумышленника?» Тогда Артём ещё был уверен, что достаточно правильно сформулировать несогласие — и система исправит себя. На столе лежали письма из банка; жена ушла год назад, квартира осталась ему вместе с платежами. Работа была всем, что не требовало объяснений. Он не подписал акт, но так и не вынес историю за пределы совещаний. После увольнения назвал это принципиальностью. Сейчас, глядя на сообщение неизвестного, впервые назвал точнее: недостаточной смелостью.

Он открыл папку. Между чертежами хранилась копия его последней записки, ещё влажная от пролитого когда-то чая. Сверху стояло: «Без подтверждения местного оператора нельзя исполнять аварийные команды». На полях кто-то написал: «Не соответствует принятой модели управления». Артём провёл пальцем по этой фразе и понял, что неизвестный отправитель знает о ней больше, чем должен. Если его зовут в старую диспетчерскую, ловушка может быть построена на единственном уцелевшем доказательстве. Но остаться дома означало позволить другим объяснить, что он якобы сделал. От этого выбора его давно отучили: ответственные вопросы здесь решались подписью начальства, не поступком человека.

* * *

Телефон завибрировал один раз.

Номер не определился. Сообщение было без подписи:

«Если хотите узнать, зачем вас сделали виновным, приезжайте туда, где всё ещё работает вручную. Старая диспетчерская. До четырёх».

Артём перечитал текст дважды. Потом открыл городской канал новостей. По экрану уже шёл бегунок: «КРАТКОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕБОИ В РАБОТЕ ВОДОПРОВОДНОЙ СЕТИ. УГРОЗЫ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ НЕТ».

Он рассмеялся — коротко, зло, без веселья. За девяносто один день после увольнения Артём привык, что его фамилию не произносят. Но теперь её, вероятно, произнесёт весь город.

Снизу хлопнула дверь подъезда. Артём подошёл к окну. Во дворе стояла чёрная машина с затемнёнными стёклами. Двигатель работал. Кто был внутри, разглядеть не удалось.

Он не стал собирать вещи. Взял куртку, папку с расчётами и старый механический ключ от служебного входа в диспетчерскую. Ключ давно следовало сдать. Почему он так и не сделал этого, Артём не спрашивал себя до нынешней минуты.

На лестничной площадке телефон завибрировал снова.

«Не садитесь в машину у подъезда. Вас ждут».

Он вернулся в квартиру, открыл кухонное окно и услышал, как вдали, за домами, воет первая сирена. Новолесск ещё не знал, что просыпается в городе, которым никто не управляет. Артём уже подозревал это.

И всё равно вышел в ночь.

Глава 2. Старая диспетчерская

Старая диспетчерская находилась под путепроводом, построенным ещё тогда, когда Новолесск был промышленным посёлком и его не помещали на рекламные буклеты. Низкое здание с заколоченными окнами стояло за бетонной лестницей, на которой зимой вода превращалась в чёрное стекло.

Артём пришёл пешком. Дважды ему казалось, что за ним идут, но позади оказывались то дворник с тележкой, то женщина с собакой. Город продолжал жить ночной жизнью, и от этого становилось страшнее: у катастрофы не было ни музыки, ни чёрного облака. Она пряталась в трубах и протоколах.

Дверь оказалась приоткрыта.

Внутри горела одна настольная лампа. Её жёлтый круг выхватывал край стола, толстый журнал смен и чашку с засохшим чайным следом. У стены стояла женщина в тёмной куртке. Артём узнал Нину Климову не сразу. Они виделись в больнице, на совещании по аварийному резерву. Тогда она сказала, что его расчёт недостаточен, и он полдня злился на неё за точность формулировки.

— Вы написали? — спросил он.

— Нет.

— Мне прислали тот же адрес, — сказала Нина, показав экран телефона. — Петрович остался за старшего по инженерной части. Я не собиралась уезжать, но оставаться и смотреть на зелёную строку тоже не могла.

— Тогда почему вы здесь?

— Потому что в моей больнице кончается вода, а городская система утверждает, что всё хорошо. Мне не нужен герой. Нужен человек, который понимает, как врут цифрами.

* * *

В углу диспетчерской стоял щит с тумблерами, которым было лет сорок. Под стеклом висел план Новолесска: сначала промышленная площадка, потом кварталы жилых домов, дальше больницы и водозаборы. На одной ветке красным карандашом были отмечены три места, где при аварии следовало действовать вручную. Артём снял стекло и обнаружил на обороте бумажную бирку с подписью: «Веденин В. Проверить перед выводом из эксплуатации». Отец не любил оставлять послания будущему. Он просто надеялся, что следующий человек откроет шкаф и выполнит работу.

Нина проследила за его взглядом.

— Вы видите знакомую фамилию?

— Отец работал здесь. До того, как резерв назвали лишним.

Она не стала расспрашивать о смерти. Поставила на стол маленькую бутылку воды и не открыла её. Артём заметил, что у неё пересохли губы.

— Вам нужно выпить.

— Я взяла последнюю из ординаторской. Хотела отдать ночной смене. Пока оставлю здесь. Дурацкая привычка — думать, что раз у начальника в кармане есть запас, значит, всё под контролем.

За дверью прохрипела грузовая машина. Оба замолчали. Артём понял, что женщина перед ним умеет не только командовать: она боится так же, как он, но страх заставляет её проверять следующее соединение. Он всегда презирал больничные комиссии за требовательность. Теперь вспомнил, как на одном заседании Нина отказалась принять его расчёт: «Вы берёте идеальную нагрузку. В реальной больнице никто не выключит воду по расписанию». Тогда он счёл её непонимающей цифры. Оказалось, она понимала пациентов, которых цифры пытались заменить.

* * *

Артём хотел ответить резко, но увидел на её рукаве тёмную полосу — то ли грязь, то ли чужую кровь. Нина заметила его взгляд и машинально прикрыла рукав ладонью.

— Что случилось?

— Роженицу привезли из Заречного. Скорая застряла из-за светофоров на объездной. Я помогала затаскивать носилки. Мы успели. Пока. — Она подвинула к нему распечатку. — А это пришло на старый факс. Да, здесь есть факс. Он работает по отдельной линии, вне вашего прекрасного «Контура».

На листе была строка с координатами и фраза: «НЕ ИЩИТЕ ОШИБКУ. ИЩИТЕ РАЗРЕШЕНИЕ».

— Кто мог это отправить?

— Вы мне скажите.

Артём наклонился над листом. Координаты вели к Северной насосной станции. Формально её закрыли после ввода нового комплекса. Но там оставался ручной обвод от верхнего резервуара — самотёчный контур, который он когда-то отказался выводить из эксплуатации.

— Если старый обвод не демонтировали, вода пойдёт хотя бы в центральный район. Без насосов: из верхнего резервуара, самотёком.

— «Если» — хорошее слово, — сказала Нина. — Оно позволяет не обещать.

— Я не обещаю. Я говорю, что надо проверить.

— А я говорю, что воды у меня осталось меньше, чем на час. Если ещё и электричество пропадёт, генераторы продержатся сорок две минуты. На полной нагрузке.

Их разговор оборвал скрип двери. В проёме стояла девушка в сером пальто, мокром от снега. Она держала служебное удостоверение раскрытым, но не протягивала его.

— Артём Веденин? — спросила она.

— А вы кто?

— Следователь Лада Серова. И если вы попробуете убежать, мне придётся сделать вид, что я умею бегать быстрее вас.

Нина усмехнулась впервые за всю ночь.

— Вам идёт чувство юмора, — сказала она.

— Оно у меня служебное. Я проверяю подложные акты приёмки «Контура». Ваш ключ подписал аварийный сценарий, и теперь вас ищут. А сюда мне прислали адрес с неизвестного номера. Полагаю, вам тоже?

— По процедуре вы можете заодно найти для больницы две канистры воды, — ответила Нина.

Лада посмотрела на распечатку. Потом на старый факс. Потом на Артёма. Он ждал наручников. В её лице не было доверия — лишь усталость человека, которому досталось плохое дело и велели считать его простым.

* * *

Лада услышала знакомую интонацию в голосе Артёма. Не угрозу, не ложь — усталость человека, которого заранее приговорили к удобной роли. Три года назад она расследовала обрушение строительных лесов на городской развязке. В акте приёмки значилось, что металл прошёл проверку, хотя мастер подписывал лист, не видя ни одного крепления. Тогда ей объясняли, что главное — формально правильная процедура. Она подчинилась, дело ушло по другому направлению, а единственный рабочий, сказавший правду, лишился места. С тех пор Лада не доверяла ни обвиняемым, ни собственному желанию быстро назвать виновного.

— Я могу поверить, что вас подставили, — сказала она. — Это ничего не меняет для протокола. В нём не бывает графы «кажется, хороший человек».

— Я и не прошу, чтобы вы мне верили.

— Просите. Просто другими словами. Вы хотите, чтобы я рискнула своими полномочиями ради вашей версии.

Нина посмотрела на часы. Стрелка секунд застыла на отметке двенадцать: механизм давно не заводили. Снаружи, по звуку, шёл первый мокрый снег.

— Я хочу, чтобы вы рискнули проверкой, — сказала она. — Мне не нужно оправдывать Веденина. Если окажется, что он сделал это нарочно, я первая скажу, сколько жизней поставлено под угрозу. Но мне нужно знать, существует ли проход, через который вода попадёт в больницу.

Лада попросила назвать фамилии людей, которых можно будет вызвать к объекту как свидетелей. Нина перечислила дежурного механика, руководителя смены и сотрудника станции, которого помнила по последней проверке. Лада записала номера, добавила рядом время и своё имя. Так возникла первая некрасивая, неэлектронная цепочка ответственности. Пока это не было ни победой, ни даже законным распоряжением. Только возможностью позже рассказать, кто что видел и почему решился действовать. Именно ради неё Лада и не торопилась застёгивать наручники.

* * *

— У вас десять минут. Объясните, почему ваш ключ работал после увольнения.

— Он не должен был работать.

— Это не объяснение.

— После увольнения доступ должны были закрыть в двух системах: кадровой и операционной. Кадровая закрывает личный кабинет. Операционная — право отдавать команды городской сети. Меня отключили от первой. Вторую кто-то оставил открытой.

— Зачем?

— Чтобы в нужный день запустить сценарий от моего имени.

Лада медленно убрала удостоверение во внутренний карман.

— Допустим. Почему мне не отвезти вас в управление и не проверить всё там?

— Потому что к шести утра у вас будет готовый отчёт. В нём напишут: нервный бывший сотрудник, доступ, мотив. А вы будете искать человека, которого для вас уже нарисовали.

— А что предлагаете вы?

Артём посмотрел на координаты.

— Отвезите меня на Северную. Если я прав, вы увидите, как устроена авария. Если нет — сами наденете наручники.

Нина забрала со стола фонарь.

— И без пари, — сказала она. — У меня там живые люди, а не аргументы для вашей перепалки.

Лада выдохнула через нос. Решение ей явно не нравилось.

— Моя машина за углом. Веденина везу я. Климова — с нами. Но если вы оба лжёте, последствия будут вполне официальными.

— Справедливо, — сказал Артём.

В этот момент погасла лампа.

За стеной щёлкнул автомат, и сразу стихло гудение трансформатора. Через грязное окно Артём увидел, как погасли рекламные щиты у путепровода.

Телефон Нины зазвонил. Она ответила, и её лицо стало неподвижным.

— Городская сеть в реанимации пропала, — сказала она. — Генератор включился. У нас не больше сорока двух минут.

Лада первой открыла дверь.

— В машину. Сейчас.

Глава 3. Норма

Ночной эфир начинался с улыбки.

На экране придорожной заправки ведущая городского канала сидела перед светлой картой Новолесска и говорила ровно, с мягкой заботой из рекламы лекарств: «Отдельные районы испытывают временные сложности с водоснабжением. Все службы работают в штатном режиме. Просим сохранять спокойствие».

В машине Лады радио было выключено, но голос будто ехал вместе с ними. Он жил на экранах заправок, в телефонных лентах, в чужой уверенности: раз власти сказали «временные», значит, беда уже почти миновала.

— Они знают? — спросила Нина.

— Кто именно? — Лада не отрывала взгляда от дороги.

— Те, кто говорит «штатный режим».

— Если знают, хуже. Если не знают, ещё хуже.

Артём сидел сзади, прижав к груди папку. На выезде к северной промзоне машины встали. Светофор мигал жёлтым, но водители не ехали: впереди грузовик перекрыл полосу. За ним собирались люди с пустыми бутылками — у закрытого павильона, где когда-то была колонка с технической водой.

— Сверните, — сказал он.

— Куда?

— В сервисный проезд. Там раньше был въезд на склад труб.

— Раньше?

— Я не был здесь три года.

— Отличный навигатор, — заметила Лада.

Лада свернула. Сервисный проезд сохранился, хотя ворота были сорваны с петель. За ними стоял мужчина в оранжевом жилете и держал планшет. Увидев машину, он шагнул на дорогу.

— Дальше нельзя, — сказал он.

— Следственный комитет. — Лада показала удостоверение. — Почему нельзя?

Мужчина скользнул взглядом по документу. Не прочёл — узнал форму.

— Технические работы. Проезд закрыт.

— Кем?

— Оператором.

— Каким оператором?

Он помедлил.

— «Контуром».

У Артёма сжались пальцы. Это слово он видел в договорах, от которых сводило челюсть. «Контур» пришёл в Новолесск с обещанием объединить городские службы в одну цифровую систему. Сначала датчики, потом единый диспетчерский центр, затем «оптимизация избыточных резервов». Слово «избыточный» никто тогда не оспорил. Оно звучало экономно.

* * *

За оградой технической зоны стоял жилой барак, оставшийся от времени строительства насосной станции. Несколько квартир переделали под мастерские, остальные давно сдавали посуточно. В окне первого этажа женщина кормила с ложки старика. По карнизу тянулись сосульки, хотя под ними от трубы шёл пар. Нина увидела это боковым зрением и вдруг вспомнила школьную экскурсию на водозабор: детям показывали огромные синие насосы, объясняли, как давление приходит в каждый дом, и никто из преподавателей не говорил, что город держится на людях в резиновых сапогах, которые выходят на смену в праздники.

Илья, мужчина у ворот, заметил её взгляд.

— Мать там живёт, — сказал он тихо. — Окна на проходную. Она каждое утро спрашивает, всё ли у меня нормально.

— А вы что отвечаете? — спросила Нина.

Он посмотрел на планшет. Ночью на устройство прислали распоряжение: доступ к нижнему коллектору запрещён, состояние подтверждено диспетчерской платформой. Подтверждение прислал не человек, а служебная учётная запись. Илья долго собирался рассказать начальнику, что новая задвижка стоит не по проекту. Рассказал однажды. Ответили: «Вопрос передан оператору». Второй раз он не спрашивал. Он запомнил фамилии уволенных слесарей, знал, что мастер Зимин теперь возит плитку, и ненавидел себя за то, что проверяет пропуск людей, которым раньше носил инструмент.

— Говорю, что всё нормально, — ответил он.

У Нины в кармане снова завибрировал телефон. Сообщение было от Антона: «Перешли на ручной учёт. Мать недоношенного спрашивает, хватит ли кислорода». Нина написала: «Кислород проверять отдельно. Ничего не обещай без факта». Отправила и поймала себя на мысли, что пишет это молодому хирургу, а не городскому начальству. В городе было слишком много людей, которым приходилось заново учиться очевидному.

* * *

— Уберите машину, — сказал мужчина. — Вам позвонят.

— Кому — нам? — спросила Нина. — Или пациентам, которым вы отключили воду?

Он опустил глаза. Первый честный жест, который Артём увидел за ночь.

— Я ничего не отключал.

— Тогда кто?

Мужчина открыл рот и тут же замолчал. За его спиной из серого контейнера вышли двое в одинаковых чёрных куртках. Не охрана, подумал Артём. Охрана смотрит на людей. Эти — на камеры, номера машин, расстояние до ворот.

Лада нажала кнопку блокировки дверей.

— Представьтесь, — сказала она громче.

Один из мужчин показал пластиковый бейдж так, чтобы прочесть было нельзя.

— Аварийная группа. Объект закрыт.

— На каком основании?

— По распоряжению администрации.

— Номер распоряжения?

— Уточняйте в администрации.

Нина перегнулась между передними сиденьями.

— В моей больнице заканчивается топливо для генератора. Вы будете уточнять распоряжение, когда остановится аппарат у ребёнка?

Мужчина в чёрном даже не посмотрел на неё. Это и было ответом.

Артём увидел за контейнером знакомую железную лестницу. Если старый обвод сохранился, вход находился ниже дороги, под решёткой водосборника. Спорить было некогда. И если эти люди закрыли объект не ради безопасности, значит, ручной контур им нужен мёртвым.

— Лада, — тихо сказал он. — Дайте мне три минуты.

— Нет.

— Тогда они опломбируют шахту. И мы останемся без воды.

— А вы предлагаете мне отпустить подозреваемого в закрытый объект под камерами?

— Я предлагаю вам решить, кем вы сегодня будете: следователем или человеком.

Он сразу пожалел о сказанном. Лада повернула голову. В её взгляде не было обиды — только ледяная ясность.

— Не смейте делать вид, что это разные вещи, — сказала она. — Нина, останьтесь у машины и держите связь с больницей. Веденин, за мной.

Она вышла, не доставая оружия, и показала удостоверение ближнему мужчине в чёрном. Другой рукой включила запись на телефоне.

— Это возможное место преступления. Вы обязаны сохранить обстановку до осмотра. Назовите свои фамилии, должности и номер распоряжения. Всё, что вы сейчас скажете, я передам дежурному.

Мужчины переглянулись. Один отступил от ворот, стараясь не попасть в объектив. Первым заговорил человек в жилете.

— Там опасно. В верхнем резервуаре ещё давление. Если резко открыть старый обвод, может сорвать фланец.

— Как вас зовут?

— Илья.

— Илья, — сказала Нина, — у вас есть ключ от нижней решётки?

* * *

Пока Илья искал ключи, Лада осмотрела ограждение. Свежая пломба висела на воротах, а болты на табличке «ОБЪЕКТ ЗАКРЫТ» были ещё светлыми. Один винт лежал в грязи. Её учили отличать признаки подготовки от самого преступления, и она привычно заставила себя не строить выводов. Но она запомнила расположение камер, номер машины, время на телефоне. Здесь даже будничная мелочь могла через неделю оказаться единственным свидетельством.

Артём стоял рядом с Ильёй и смотрел на подземный вход. Во время его последнего визита сюда ночная смена пила чай из стеклянных стаканов. Старший оператор ворчал, что инженеры рисуют на схемах красивые линии, а потом просят людей провернуть задвижку одной рукой. Тот старший оператор ушёл после очередной «оптимизации»; его должность теперь называлась функцией в меню. Артём попробовал вспомнить фамилию и не смог. Это разозлило его сильнее, чем закрытые ворота. Он три года спорил с руководством о структуре системы, но ни разу не зашёл спросить, кто остался работать под ней.

— Вы меня раньше видели? — спросил он Илью.

— На приёмке. Вы тогда спорили из-за ручного обхода. Нам сказали: человек хочет сохранить старую железку ради своей премии.

— Премию мне не дали.

— А мы поверили про железку.

Лада подошла ближе.

— Запомните этот разговор. Потом каждый расскажет его отдельно. Сейчас нас интересует только одно: можно ли безопасно проверить положение клапана, не создавая новой аварии.

Илья впервые посмотрел не на её удостоверение, а прямо в глаза. По ту сторону ворот один из мужчин в чёрном принял звонок, отошёл и сказал в трубку: «Доступ не предоставлен. Подтверждаю». Илья понял, что если сейчас отдаст связку, на экране позже напишут противоположное — что никто доступа не просил. Он разжал пальцы. Маленький металлический звук оказался громче скрипа ворот.

* * *

Он посмотрел на чёрные куртки. Потом достал из кармана связку.

— Есть.

Артём поймал его взгляд и понял: впервые за эту ночь кто-то сделал выбор не от бесстрашия. Илья просто устал быть частью чужой лжи.

Под решёткой пахло ржавчиной и стоячей водой. Артём спустился первым, Лада — за ним. Илья передал им фонарь, гаечный ключ и обрезок стальной трубы. В свете фонаря ста-

рые магистрали уходили в темноту, как корни мёртвого дерева. На стене висел ручной привод задвижки — тяжёлый маховик с облупившейся красной краской.

— Она должна быть открыта, — сказал Артём.

— А сейчас?

Указатель стоял на отметке «закрыто».

Маховик блокировала металлическая скоба на новых болтах.

Лада присела, посветила на крепёж.

— Болты свежие. Совсем.

Артём коснулся скобы. Чистые грани болтов блестели поверх старой ржавчины.

Сверху раздался стук. Потом крик Нины:

— Артём! — крикнула Нина. — В больнице совсем пропало давление! Петрович только что звонил!

Артём накинул ключ на гайку. Скоба поддалась не сразу. Он сорвал крепёж, сбросил металл на пол и проверил шкалу давления за задвижкой. Резко открывать обвод было нельзя: удар воды мог разорвать старый стык.

— Лада, трубу. И медленно. Сначала четверть оборота.

Она сняла пальто, бросила его на сухой выступ и вставила обрезок трубы в спицы маховика. Артём взялся за другой конец.

— За самоуправство вас не оправдают, Веденин, — сказала она.

— Знаю.

— Но, возможно, успеют выжить другие.

Они навалились вместе. Маховик сдвинулся на четверть оборота. Из глубины трубы донёсся тяжёлый, нарастающий гул. И в ту же секунду над ними лязгнула решётка.

Глава 4. За решёткой

Решётка наверху ударилась о раму ещё раз. Гул в трубе изменился: сначала низкий и ровный, потом с дрожью, будто где-то под землёй завели старый двигатель.

— Стой, — сказал Артём.

Лада не отпустила трубу. Они успели повернуть маховик меньше чем на четверть полного хода. Указатель на манометре перед задвижкой оторвался от нуля, задрожал и замер. За нею давление оставалось почти прежним.

— Что не так?

— Воздух. После простоя в обводе мог образоваться карман. Если сейчас открыть до конца, первая же пробка ударит по фланцам. Видите этот белый след? — Он посветил на соединение под потолком. — Здесь уже текло.

— В больнице ждать не могут.

— Именно поэтому нельзя торопиться.

Наверху кто-то произнёс: «Откройте». Голос был не Нинин. Потом послышался скрежет металла. Лада выключила фонарь и подняла голову. Через щели крышки просачивались узкие полоски белого света.

— Следователь Серова! — крикнули сверху. — Вы на режимном объекте без допуска. Покиньте помещение.

— Сохраните обстановку и представьтесь, — ответила она.

— Вам уже объяснили. Решение принято на уровне администрации.

Лада достала телефон. Связи не было. Она включила диктофон, оставила аппарат на сухом выступе и стала говорить отчётливо, как на протоколе: дату, время по собственным часам, адрес, фамилии находящихся внизу. Артёма удивило, насколько её голос изменился. В машине она говорила язвительно, здесь — так, будто каждое слово должно пережить их обоих.

— Второй человек — Артём Веденин, — произнесла она. — Выполняет действия для предотвращения непосредственной угрозы жизни людей при отсутствии доступа к штатным аварийным средствам.

— Вас за это уволят, — сказал Артём.

— Когда выберемся, обсудим мою карьеру.

Труба за стеной ответила коротким металлическим стуком. Артём нащупал маленький кран на отводе к дренажной линии. Его не было на новых схемах. На старых бумажных чертежах он значился как «воздухоспуск В-7» и был похож на бессмысленную запятую. Когда-то начальство требовало убрать его вместе с ручной задвижкой: лишняя единица оборудования увеличивала расходы на обслуживание. Артём тогда отказался ставить подпись.

Он отвернул кран на пол-оборота. Сначала пошёл хриплый воздух, потом мутная струя ударила в бетонный лоток. Вода пахла металлом, но не гнилью. Артём смотрел на неё, как на первое слово после долгого молчания.

— Есть, — сказал он. — Теперь чуть-чуть вправо. Ровно на один оборот.

Лада послушалась. Маховик пошёл туго. Указатель второго манометра медленно пополз вверх.

— Сколько надо?

— Два бара на распределителе. Для начала хватит и одного. Дальше пусть диспетчерская вручную прикроет ветки, иначе вода уйдёт туда, где лопнут слабые участки.

* * *

В стене подземного хода обнаружился закрашенный прямоугольник. Артём провёл по нему фонарём и увидел старую инструкцию: «При падении напора проверить воздухосброс». Три слова едва читались. Поверх них кто-то нанёс белую краску и новый инвентарный номер.

Слева сохранилась царапина, похожая на детскую зарубку у косяка. Когда-то отец приводил его сюда в выходной. Семнадцатилетний Артём злился: ему хотелось к друзьям, а приходилось держать фонарь, пока взрослые проверяют механизм. «Самый опасный человек, — говорил отец, — тот, кто придумал правильную инструкцию и решил, что теперь её можно не проверять».

Лада держала свет на шкале. Стрелка двигалась медленно, и для человека без специальной подготовки это было почти невыносимо. Хотелось помочь силой, докрутить, ускорить. Она вспомнила первую тренировку по стрельбе: инструктор заставлял её стоять неподвижно так долго, что дрожали колени. «В спешке ты стреляешь в собственный страх», — сказал он. Сейчас оружия у неё не было, но правило оказалось тем же.

— По какой причине вы уверены в этом обводе? — спросила она.

— Не уверен. Есть старые расчёты, но фактическую стенку труб я не видел три года. Потому мы и не открываем сразу.

Впервые за ночь она услышала от него не спор с начальством, а признание границы знания. Этот ответ ей понравился больше всех заявлений о виновных. В наушнике телефона Нина сообщала Петровичу, что ждёт измерений, а не обещаний. Артём показал Ладе трещину на старой прокладке, место возможного гидроудара и порядок, в котором следует менять положение затвора. Лада повторила действия своими словами. Он поправил только одно: при отклонении стрелки нельзя «немного подождать» — нужно остановить движение и снова проверить давление. Они начали работать как люди, каждый из которых отвечает за собственную ошибку.

* * *

Над ними вновь лязгнуло. Сквозь решётку просунули конец длинного стального прута. Кто-то пытался зацепить лестницу, не спускаясь вниз.

— Веденин! — Теперь имя произнесли без вежливости. — Вы не понимаете последствий.

Артём поднял голову.

— Я три года писал вам о последствиях. Письма у вас сохранились?

Ответа не последовало. Прут выдернули. Сверху затопали ботинки.

Через минуту Нина громко спросила: «Что там?» За ней стоял Илья, держал ключи, руки его дрожали. На короткое мгновение Артём увидел у неё на лице то, чего раньше не замечал: страх не за себя, а за тех, кого невозможно сейчас увидеть.

— Давление пошло, — сказал он. — Позвони Петровичу. Пусть проверит ввод, закроет наружный пожарный отвод и запишет точное время, когда вода появится. И никакой воды в операционные до проверки качества. Понимаешь?

— Я начальник инженерной службы больницы, Веденин. Я понимаю.

Где-то далеко хлопнула дверь автомобиля, затем раздался короткий сигнал сирены. Нина прислушалась. К воротам подъезжала не помощь. Чёрный микроавтобус с наклейкой «ТЕХНИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ» перегородил сервисный проезд.

Лада поднялась на лестницу и увидела двоих сотрудников аварийной группы. Один говорил по рации, другой держал пломбы и моток жёлтой ленты. Они не смотрели на воду, на манометр, на проржавевшие соединения. Им нужен был сам факт закрытого объекта. Бумага, на которую потом можно сослаться.

— Я вас предупреждал, — негромко сказал Илья. — Они по списку приехали. В списке первая графа — «обеспечить недоступность ручных приводов».

— Покажите список.

— Планшет у бригадира. У меня распечатка. — Илья поколебался и вытащил сложенный лист из внутреннего кармана. — Я должен был расписаться за смену. Не стал.

На листе стояли стандартные поля: номер договора, фамилия ответственного, время начала работ. И рядом неожиданно конкретная фраза: «Восстановление штатного резервного

водоснабжения допускается после подтверждения оператором готовности централизованной платформы». Подпись уполномоченного представителя «Контура» была факсимильной.

— То есть пусть больница сохнет, пока у них не загорится зелёная лампочка, — сказала Нина.

— Пока у них не появится право написать, что город спасли они, — ответил Артём.

— Сейчас важно не это, — перебила Лада. — Илья, можете засвидетельствовать, что скобу поставили сегодня?

— Я видел машину в половине третьего. Кто её ставил, не видел. Смену мне назначили с трёх. Но я могу показать записи пропуска.

Лада аккуратно сложила лист, назвала время в диктофон и велела Илье держаться рядом. Артём заметил, как один из мужчин в чёрном отступил к микроавтобусу. Оба уже слышали, что из них хотят сделать свидетелей, а не просто препятствие.

Они выбрались на улицу. Небо над промзоной оставалось чёрным, только над восточным краем тлела тусклая полоска. На дороге люди с бутылками спорили с водителем грузовика. Никто не знал, что под их ногами только что открыли старый обвод. Так и бывает с настоящей работой: в минуту, когда она удаётся, никто не аплодирует.

Телефон Нины ожил сообщениями. Петрович прислал фотографию механического манометра на вводе седьмой больницы: стрелка стояла чуть выше единицы. Следом пришло: «Вода есть. Грязная. Фильтры забиваются. Работаем».

Нина прикрыла глаза на одно дыхание, затем снова стала собой.

— Качество проверим. Дизель пока не трогаем. Электричество вернуть вы не умеете?

— Не в одиночку, — сказал Артём.

На приборной панели Ладиной машины мигало предупреждение о низком заряде аккумулятора. Она взглянула на него и впервые за всю ночь улыбнулась без иронии.

— Хорошо, что не обещаете невозможного.

* * *

На дороге к станции стояли семьи с пустыми бутылками. Молодой отец в серой куртке держал ребёнка на руках и пытался объяснить, почему вода потекла у соседей через два двора, но не у них. Ребёнок спрашивал, можно ли будет сегодня умыться. Водитель грузовика говорил, что везёт техническую воду и раздать её нельзя: нет подтверждения качества. Женщина за его спиной называла это издевательством. Он не повышал голос, но всё чаще смотрел на бутылки, словно мог определить их безопасность по форме.

Нина подошла к людям. Первым делом представилась и сказала, что работает в больнице, а не в водоканале. Она не стала повторять фразу про скорое восстановление.

— Сейчас у центрального района появился напор. Это не означает, что из всех кранов можно пить. В первую очередь уточняйте официальные сведения о качестве воды и пунктах подвоза. Я попрошу наш лабораторный отдел связаться с городским.

— А если они опять соврут? — спросил отец.

— Поэтому нужны результаты анализа, время отбора и фамилия ответственного. Не зелёный экран.

Неподалёку Илья записывал адреса стариков, которые не смогут дойти до пунктов подвоза. Он понимал, что не имеет права организовать поставку одним личным звонком, и всё же нашёл дежурного службы социальной помощи, передал информацию и попросил назвать номер обращения. Человек с телефоном снимал их на видео. Позже из этой записи можно было вырезать любой эпизод и доказать что угодно. Сейчас Илью это уже не остановило. Мать наблюдала из окна; он поднял голову и впервые не показал ей привычный жест «всё нормально». Поднял пустую ладонь: работают, ещё неизвестно, получится ли.

* * *

К воротам подошёл высокий мужчина в тёмном пальто. Не из аварийной группы: дорогие ботинки, открытый ворот рубашки, на руках тонкие кожаные перчатки. Он остановился по другую сторону ленты и произнёс:

— Артём Сергеевич. Вы всегда вмешиваетесь в проекты, о которых знаете половину.

Артём узнал его сразу. Дмитрий Ратников, директор по безопасности «Контура», присутствовал на комиссии, где три месяца назад обвинил Артёма в «неуправляемом профессиональном упрямстве».

— Вы закрыли резерв, — сказал Артём.

— Мы сохранили управляемость. Это разные вещи.

Ратников перевёл взгляд на Ладу.

— Следователь Серова. Ваш начальник уже пытался связаться с вами. Я бы не хотел, чтобы случайный технический инцидент превратился в ваше личное решение.

— Тогда не мешайте фиксировать его обстоятельства.

— Всего доброго. — Он кивнул почти вежливо и ушёл к микроавтобусу.

Только когда машина тронулась, Артём понял, что разговор записывался не одним телефоном. На лацкане пальто Ратникова была крошечная камера. Их никто не пытался остановить силой. Их собирались представить людьми, которые самовольно вмешались в исправную систему и вызвали последствия.

Северный резервуар отдавал воду в город. Но где-то в тёмном офисе уже готовился отчёт о том, кто за это ответит.

Глава 5. Один бар

В половине пятого утра в Новолесске открылись первые краны.

В домах центрального района люди просыпались от необычного шороха в трубах. Сначала шёл воздух, потом рыжая вода, затем тонкая холодная струя. Кто-то подставлял ладони, кто-то наполнял кастрюли, кто-то снимал на телефон, как из крана вместо привычного молчания появляется жизнь. На экранах приложений продолжало светиться «СЕТЬ НЕИСПРАВНА». Никто уже не верил ни красному, ни зелёному.

В седьмой больнице Петрович был счастлив ровно шесть секунд. Потом увидел осадок на фильтре и выругался так, что медсестра в соседнем коридоре на всякий случай перекрестилась.

— Потребуется промывка, — сказал он Нине по телефону. — А у нас на этаже интенсивной терапии перепуск закрыт не полностью. Я держу ввод. Но резервуар долго не вытянет.

— Сколько?

— Не знаю. Не вижу уровень на верхней станции. Новая система мне не показывает, а старую шкалу срезали ещё в марте.

Это «не знаю» Нина ненавидела. Не потому, что хотела невозможного, а потому, что честное незнание оставляло ей только один выход: искать человека, который увидит своими глазами.

— Петрович, набери снабженцев. Пусть поднимут список поставщиков питьевой воды. И скажи Антону: для хирургии пока только бутыли и расходные наборы. Водопровод для технических нужд после согласования.

— Слушаюсь, начальство.

Лада положила на крышу машины папку Артёма и раскрыла свой блокнот. На фоне мерцающего света микрорынка следователь выглядела моложе, чем в диспетчерской. Возможно, дело было в том, что она перестала притворяться равнодушной.

— Мне нужен номер вашей уволившей комиссии, — сказала она Артёму. — И фамилии тех, кто принимал «Контур» на баланс.

— Папка. Желтые закладки.

Он сам не открывал эти документы девяносто один день. Боялся ещё раз пережить вечер, когда трое мужчин в хорошем костюме объясняли ему, что городские сети — не место для личных принципов. Он возражал по расчётам, приносил фотографии коррозии, показывал, как резервирование исчезло из проектной схемы. Ему ответили, что «большая система обладает внутренней устойчивостью». Он спросил, где она находится физически. Ему не ответили.

На последней странице акта значилась фамилия: П. Зорин. Генеральный директор акционерного общества «Контур Инфраструктура».

— Зорин подписал, что старые схемы больше не нужны, — сказала Лада.

— Он подписал, что ответственность теперь централизована. Это разные слова.

— А последствия оказались теми же.

* * *

У этой фразы был вес официального документа, которого ещё не существовало. У Артёма не было времени радоваться, что следователь наконец различает подписавшего проект и исполнившего опасную команду. Он думал о старом коллективе. Инженера по сетям Алексея Скворцова уволили раньше него: тот отказывался подписать акт о резервном питании. Молодого техника оставили, но перевели на склад, потому что он любил задавать уточняющие вопросы. Город сохранил людей, которые умели заполнять отчёты, и потерял тех, кто мог назвать цену неисправности. Это не выглядело заговором. На каждом этапе находилась простая причина: фонд оплаты, оптимизация, перевод функций, исполнение бюджета.

— У меня сохранились письма, — сказал Артём. — Но там тоже только слова. Нельзя доказать пустой резерв своим возмущением.

— Тогда собирайте факты, — ответила Лада. — Каждый под своей подписью. И не пытайтесь теперь исправить за одну ночь то, что трое лет никто не хотел видеть.

Артём услышал в её голосе раздражение и понял, что оно адресовано не только ему. Лада тоже потеряла возможность работать обычным способом. Система привыкла объявлять несогласного проблемой прежде, чем признавать проблему в самой процедуре.

В городе тем временем появилась новая карта пунктов подвоза. На ней все точки были обозначены одинаковыми синими значками. Жители ехали к ним, а там выяснялось, что одна машина ещё в пути, другая привезла воду только для технических нужд, третья вовсе не получала заказа. Продавщица магазина у путепровода взяла школьную тетрадь и стала записывать фактические поставки. Первую строку подписал водитель, вторую — дворник, видевший разгрузку. К полудню вокруг тетради собирались люди, которые вчера не могли договориться даже об очереди. Они создали самый простой в городе информационный сервис: не обещание поставки, а запись о том, что воду действительно привезли.

* * *

Нина вернулась от ворот, где говорила с Ильёй. Он стоял на месте, хотя Ратников уехал и мог приказать больше не пускать никого.

— Илья знает, кто держит схему всех резервуаров, — сказала она. — Старый геодезист Ефим Павлович Крылов. Живёт через два квартала, в доме у железнодорожного переезда.

— Крылов? — переспросила Лада. — Случайно не родственник мэра?

— В этом городе половина фамилий повторяется. Он к мэру отношения не имеет, — сказал Илья. — Его дед когда-то строил эти резервуары. А он сам проверял их ежегодно, пока контроль не перевели в программу.

Лада посмотрела на часы.

— Мне надо зафиксировать документы и явиться в отдел. Ратников уже успел сообщить руководству о моих действиях. Если исчезну совсем, им будет проще вычеркнуть всё найденное.

— Вы нас задерживаете? — спросил Артём.

— В машине вы были потенциальным подозреваемым. Сейчас вы ключевой свидетель и человек, которого удобнее всего сделать виновным. Я не советую вам ходить одному. Разница между этими статусами не спасает от удара по голове.

Они разошлись у Северной. Нина поехала в больницу вместе с Ильёй: там он мог помочь восстановить ручные схемы и проверить работу вводов. Лада взяла у них телефоны для копирования фотографий на защищённый носитель и обещала прислать опись. Артём остался с папкой возле дороги.

Часы показывали 04:43. Прошло чуть больше полутора часов с момента первой ошибки. Он пытался представить, сколько людей уже столкнулись с ней. Для городской системы они были строками: население района, объём потребления, допустимое время простоя. Для него внезапно стали видимыми женщиной с бутылкой и ребёнком у закрытой колонки, Петровичем в подвале, мужчиной в оранжевом жилете, который впервые за смену сказал правду.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение пришло с того же скрытого номера:

«Один бар — не победа. Посмотрите на уровень воды в Верхнем. Не доверяйте экрану. У Крылова есть то, что они забыли изъять».

Артём набрал номер. Абонент был недоступен. Он переслал сообщение Ладе и пошёл вдоль железной дороги.

За путепроводом стояла очередь к маленькому магазину. Продавщица вынесла на улицу ящик воды и сказала, что цена прежняя. Люди сначала не поверили, потом кто-то поблагодарил

её, кто-то начал считать бутылки, чтобы хватило всем. Артём задержался: ему было важно увидеть, что случается там, где ещё можно договориться без управляющего приложения.

Он вспомнил отца. Тот всю жизнь занимался ремонтом железнодорожных мостов и повторял: «Надёжность — это когда соседний участок выдерживает, даже если на твоём всё пошло не так». В четырнадцать лет Артём считал эти слова скучными. Позже понял, что отец говорил не только о металле.

В квартире геодезиста свет горел от аккумуляторной лампы. Дверь открыл сухой старик в шерстяной жилетке. На вопрос о старых схемах он ответил не «зачем», а «наконец-то».

— Я думал, придёте вчера, — сказал Крылов.

— Откуда вы знаете про аварию?

— По давлению в кране. Я тридцать лет проверял напор. Вы думаете, отставка лишает человека глаз?

* * *

— Вы знали моего отца лучше меня? — вдруг спросил Артём.

— В работе — возможно. Дома — вряд ли. Ты ведь рос там, где он мог позволить себе быть не инженером.

Артём вспомнил редкие вечера, когда отец не чертил схемы. Они с матерью спорили, нужно ли покупать новую стиральную машину. Отец говорил о расходе воды и электричества, мать смеялась: «Вадим, я хочу, чтобы она просто стирала». Артём думал, что отец умеет отвечать на всё. После его смерти нашёл в ящике неоплаченные квитанции и письма, которых тот так и не отправил. Оказывается, взрослый человек мог строить сложные узлы и при этом не знать, как попросить прощения у близких.

— Он упрямился, — сказал Крылов. — Иногда так, что хотелось выгнать его из мастерской. Но если расчёт не сходился, Вадим возвращался утром и начинал заново. Один раз он сам признал ошибку на комиссии, хотя ему предлагали переложить её на мёртвый проект. Мы тогда поссорились: я считал, что правду можно отложить до удобного момента. Он сказал: «У трубы нет удобного момента». Я долго на него обижался.

Крылов снял со стола засаленную кальку. По краям были имена городов, которые Артём знал только как остановки поездов. Но в линиях между ними было другое представление о стране: не центр, откуда всё разрешают, а множество мест, где люди могут поддержать друг друга и проверить сказанное. Геодезист попросил не называть это мечтой отца. Мечта не указывает диаметр трубы. Здесь были реальные отметки, условия, ограничения и целая пустая графа «испытано». Именно она, по словам Крылова, ещё требовала живых людей.

* * *

Он повёл гостя к стене, на которой висела карта города из пожелтевших листов. На ней красными нитями были соединены резервуары, камеры, старые заводские вводы. Совсем другая геометрия Новолесска — не аккуратный круг в презентации «Контура», а спутанный узел, в котором каждая линия имела смысл.

— Вот Верхний, — Крылов ткнул пальцем. — Его последние две зимы держали полным только по графику. Теперь график убрали. Новый оператор уверял, что экономит электричество, а на деле перестал перекачивать ночью. Верхний питается из Южного водозабора. Если насосы там выключены, ваш самотёк быстро иссякнет.

— Сколько осталось воды?

— На сколько открыли обвод?

Артём назвал приблизительный расход. Старик прикинул цифры карандашом на обрывке газеты, учёл запас на пожаротушение и собственную погрешность.

— Шесть часов, если повезёт. Три — если ночью уровень был низким. Но я бы считал три.

В ответ Артём показал фотографию крепежа. Старик поднёс снимок к лампе, долго смотрел.

— Новые болты. Значит, они не просто отказались от резерва. Они знали, что кто-то может его открыть.

Старик отвернулся к шкафу, достал железную коробку с потемневшими углами. Внутри лежали кальки, бумажная лента с пробитыми отверстиями и конверт, запечатанный синим сургучом.

— Это план, который мы когда-то называли «Империей», — сказал он. — Только не смейтесь. Молодыми были, громкие названия любили.

— Империей?

— Не город, мальчик. Систему. Большую. Чтобы если одна область ошибётся, соседняя не пропала вместе с ней. Мы так и не достроили её. На бумаге, может, ещё не поздно.

Он выложил конверт на стол. На нём рукой, которую Артём узнал бы среди тысячи, было написано: «В. Веденин. Не передавать оператору».

Отца не стало одиннадцать лет назад. Артём не видел этот почерк с похорон.

Глава 6. Письмо с чужого стола

Отец подписывал записки твёрдым наклонным почерком, словно продолжал чертить линии на миллиметровке. Артём помнил эти буквы лучше, чем голос. Голос с годами смешался с другими, а буквы остались: «Не затягивай болт на глаз», «Проверь опору после морозов», «Позвони матери».

На конверте стояла дата двадцатилетней давности. Тогда Артёму было семнадцать. Он собирался поступать в институт, мечтал о компьютерных моделях и терпеть не мог разговоров о старых схемах. Отец уже чувствовал себя лишним в мире новых платформ, но не спорил: приносил домой фотографии мостовых опор, помечал на них трещины и говорил, что любые цифры надо с чем-то сравнивать.

— Почему он оставил это у вас? — спросил Артём.

Крылов снял очки.

— Потому что просил не отдавать до тех пор, пока ты сам не придёшь за бумажными расчётами. Я думал, ты придёшь раньше.

Внутри лежала не тайная карта и не завещание. Три листа с расчётами аварийного перетока воды между городскими узлами, схема резервных линий электропитания для железнодорожного кольца и письмо. Первые слова были обращены к неизвестному: «Коллега, который будет отвечать за Новолесск после нас».

«Мы строили сеть не ради общего пульта, — читал Артём. — Главная ошибка любой большой конструкции состоит в том, что её центр начинает считать себя важнее опор. Центр может ускорить работу. Но если отказ центра останавливает все местные действия, такая система держится не на расчёте, а на доверии. Доверие нужно людям. Железу нужен запас».

Ниже отец перечислял места, где оставались ручные обходы: Верхний резервуар, старая теплоцентраль на востоке, железнодорожная подстанция, третий мост через Лесную. Последняя строка была обведена: «Связь сохранять по независимым каналам. Не сводить все разрешения в одну точку».

* * *

В железной коробке Крылова лежали не деньги и не секретные документы, а расходные журналы, старые пропуска и письма, исписанные двумя разными почерками. На крышке была наклейка: «НЕ СЖИГАТЬ». Когда-то у геодезиста была жена, Татьяна, и она ненавидела этот ящик. Не потому, что он хранил работу вместо семейных фотографий. Просто всякий раз, когда из него доставали бумагу, Крылов уходил из дома ещё на несколько дней. Татьяны не стало четыре года назад. После этого он перестал куда-либо уходить и обнаружил, что бумага без людей сохраняет только их почерк.

— Нас учили говорить о стране как о машине, — сказал он Артёму. — А она не машина. В одной мастерской у тебя дисциплина, в другой человек умеет слышать чужую беду, в третьей есть запас железа. Если всё свести к одной ручке, можно получить красивый щит, за которым ничего не осталось.

— Отец называл это Империей. Почему именно так?

— Он шутил над словом, которого все боялись. Говорил: настоящая большая система не должна становиться царством начальника. Чем она больше, тем важнее, чтобы у каждого маленького узла было право сказать: «У меня другое измерение». Сначала мы смеялись. Потом спорили, не опасно ли так называть. После этого чертежи убрали в коробку, а жизнь пошла своим ходом.

В руке Артём держал конверт. На обратной стороне отец когда-то записал даты двух испытаний; против второго стояло «отменено». Слово не имело объяснения. Артём неожиданно остро захотел спросить у отца, почему тот перестал настаивать, что помешало, чего испу-

гался. Раньше он мысленно оправдывал его безусловно. Теперь допускал, что отец тоже мог уставать и отступать. Это делало память о нём не хуже, а труднее. Крылов увидел его лицо и не стал утешать. Помог найти чистый лист, чтобы переписать номера узлов.

* * *

— Это не случайно, — пробормотал Артём. — То, что сейчас происходит, кто-то расписал заранее.

— Рассчитал заранее, — поправил Крылов. — В этом вся беда. Техническую возможность видно раньше, чем чью-то злую волю.

Зазвонил домашний телефон, старый аппарат с круглой трубкой. Старик поднял её и побледнел. Некоторое время слушал молча, потом сказал: «Ни имени, ни адреса я вам не назову». Повесил трубку и несколько секунд разглядывал ладонь.

— Звонили из управления муниципального имущества. Интересуются моей квартирой. В пять утра. Кому-то очень не нравится, что я храню бумагу.

— Вам лучше уехать.

— В моём возрасте лучше только не откладывать правду. Забирай коробку. Копии у меня нет.

Артём спрятал бумаги во внутренний карман. Сама железная коробка была слишком заметной. На ступенях подъезда встретилась девочка лет двенадцати с двумя пустыми канистрами. Она спросила, когда включат воду. Артём ответил, что не знает. Девочка посмотрела на него с явным разочарованием: взрослый, который не умеет обещать, казался ей бесполезным.

В седьмой больнице Нина встретила первые машины с бутилированной водой в 05:11. Разгружали их хирурги, санитарки и охранник, пока охрана и снабжение оформляли бумажные накладные. За это время городская платформа успела прислать сообщение: «Поставка не согласована: отсутствует подтверждённая цифровая заявка».

— Передайте платформе, что у воды нет электронной подписи, — сказала Нина и расписалась на накладной ручкой.

В коридоре интенсивной терапии она увидела Антона. Тот стоял у окна с пластиковой чашкой кофе, которого не пил.

— У нас кончились чистые ёмкости, — сказал он. — Медсёстры переливают из бутылок. Людей хватает, порядка нет. Нина Павловна, я не могу разрешить операцию, пока стерилизационная не восстановится.

— И правильно не разрешайте. Только не говорите пациентам «штатный режим». Если операцию нужно перенести — переносите. Если экстренная, берите заранее подготовленный стерильный набор, что осталось на складе, и фиксируйте расход. У нас не спектакль про спокойствие.

Антон отвёл взгляд.

— Простите. Я уже сказал родным одного больного, что всё восстановится через час. Они так посмотрели, будто я им жизнь вернул.

— Утешение — не прогноз. Запомните.

* * *

В больнице Нина обнаружила Антона не в операционной, а в коридоре у окна. Он стоял возле старого автомата с напитками, который почему-то продолжал светиться, хотя стаканов в нём не было. На рукаве хирурга засохли капли дезинфицирующего раствора. Он пытался дозвониться матери пациента, которого предстояло перевести в другое отделение: оборудование там было исправно, но стерилизация ещё не получила лабораторного допуска.

— Вы когда-нибудь говорили семье, что операцию надо отложить, потому что у города неверная таблица? — спросил он.

— Сегодня впервые скажем это правильно. Без слова «таблица». Объясним, что не можем гарантировать безопасность. Предложим конкретный план. И дадим человеку право злиться.

Антон прислонился к стене.

— Я думал, профессия начинается с момента, когда ты перестаёшь бояться. На прошлой неделе мой профессор сказал, что хороший хирург точно знает, что делает. Сейчас я знаю только то, чего делать нельзя.

Нина вспомнила, как однажды подписала заявку на новый фильтр, не проверив старый: ей тоже хотелось казаться руководителем, который всё знает. Тогда фильтр оказался рабочим, а лишняя деталь пролежала на складе два года. Ошибка не была трагической, поэтому о ней быстро забыли. На одном невыполненном пункте всегда легче учиться, чем на настоящей потере.

— Хороший врач начинает не с уверенности, — сказала она. — Он начинает с границы, за которой нельзя обещать. Потом учится отодвигать её трудом.

Из палаты донёсся голос женщины, требующей позвать заведующего. Антон выпрямился и пошёл к ней. Нина посмотрела на его спину: он не стал храбрее, но перестал прятаться за чужим званием. В холле телефоны у посетителей показывали, что город почти восстановлен. Под экраном сидела уборщица с пустым ведром. Она попросила Нину узнать, можно ли наполнить его из больничного крана. Нина сама подошла к лабораторному посту и уточнила результаты. Лишь после этого сказала «да».

* * *

В машинном отделении Илья вместе с Петровичем разбирал старый шкаф ручного управления. Оказывается, его не демонтировали: при переоборудовании засунули за новый распределитель и заблокировали дверцу кабельным жгутом. Илья за два часа впервые стал говорить без оглядки на начальство. Он показал схему, объяснил, какие датчики на самом деле отключены от исполнительных устройств, и попросил только одного: не сообщать «Контуру», где он сейчас.

— У меня жена на смене в хлебокомбинате, — сказал он Нине. — Мальчишка дома у соседки. Я не герой. Мне работу терять нельзя.

— Тогда вам придётся решить, какое слово вы дадите сыну, когда он спросит, чем вы занимались, — ответила Нина, но тут же смягчилась. — Я сохраню ваши документы. Никому не нужно ради правды оставаться без защиты.

Она позвонила Ладе. Следователь ответила из коридора служебного здания. В голосе слышалась непривычная сухость.

— У меня забрали материалы первичного осмотра, — сообщила Лада. — Неофициально, под предлогом проверки подследственности. Я успела оставить заверенные копии части снимков. Начальник говорит: «Не лезь в муниципальный договор». Теперь, видимо, лезть придётся глубже.

— Вам запрещают расследовать?

— Пока советуют забыть. Но я запросила данные у поставщика сертификата, не через муниципальную сеть. Если ответят, будет за что зацепиться.

— Артём нашёл бумагу от отца. Там старые резервные схемы.

— Скажите ему: пусть не отправляет фотографии в мессенджерах. И никуда не ходит один.

Разговор оборвался на шуме шагов. Нина стояла над пустым аварийным баком и слушала короткие гудки. За последний час положение в больнице чуть улучшилось, но по лицам персонала она видела, что страх никуда не делся. Он просто научился делать полезные вещи.

В кабинете генерального директора «Контура» часы показывали 05:30. Павел Зорин смотрел на электронную карту Новолесска. Центральный район на ней светился жёлтым: отмечалось «несанкционированное восстановление гидравлического режима». Рядом стояла женщина в тёмном брючном костюме, технический директор Наталья Ветрова. Она перелистывала журнал событий на планшете.

— Они открыли Верхний, — сказала она. — Нагрузка небольшая, но в канале появилось давление, которого не должно быть по нашей модели.

— По чьей модели?

Ветрова не ответила.

— Я спрашиваю потому, — продолжил Зорин спокойно, — что мы продали городу не датчики. Мы продали определённость. Если теперь любой бывший сотрудник с гаечным ключом способен опровергнуть наши показатели, население перестанет покупать не только наши услуги. Оно перестанет верить системе в принципе.

— И что вы предлагаете? Перекрыть снова? У них больница.

— Ничего не предлагаю. Хочу понять, кто дал им координаты.

Ветрова посмотрела на развёрнутый журнал входящих сообщений. Несколько десятков исходящих запросов были помечены как обслуживающие операции. Один отправлен через старую факсимильную линию, которая по всем документам давно не существовала.

— Узнаете номер? — спросил Зорин.

Наталья почувствовала, как к щекам прилила кровь. Этот номер она вписала в обходной перечень три года назад, когда ещё верила, что бумажные линии нужны только на время модернизации. Сейчас в журнале рядом с ним стояло имя сотрудника, давно похороненного на бумаге: В. Веденин.

— Нет, — сказала она. — Не узнаю.

Зорин закрыл карту. По тому, как тихо он это сделал, она поняла: он ей не поверил.

Глава 7. Время без сервера

Лада увидела собственную фамилию в списке отстранённых в 06:08.

Лада долго смотрела на экран, не касаясь мыши. Внизу служебной страницы стояло слово «временно». В следственном управлении оно означало что угодно: один день, год, увольнение после затянувшейся проверки. Семь лет назад, когда она пришла сюда после института, ей казалось, что полномочие даёт человеку право задавать неудобные вопросы. Теперь она впервые увидела, как быстро полномочие превращают в награду за молчание. У отстранения не было даже имени подписавшего: его прислала система кадрового документооборота.

В кармане завибрировал телефон. Звонила мать, сельская учительница, вышедшая на пенсию после тридцати шести лет работы. Лада не ответила с первого раза. Мать всегда различала её голос по одному слову и умела услышать то, что дочери не хотелось признавать.

— Ты в своём городе? — спросила мать, когда Лада перезвонила.

— Пока да.

— С утра показывают вашу воду. У нас тоже люди испугались и побежали покупать бутылки. Объясни им что-нибудь по телевизору.

— Я не могу объяснить того, чего сама ещё не доказала.

— Тогда так и скажи. В школе я больше всего боялась не детей, которые ошибались, а детей, которые списывали и считали, что главное — получить оценку.

Лада прикрыла глаза. Мать не знала о списке отстранённых. Лада не рассказала. Ей хотелось сначала доказать себе, что она ещё существует не только как строка в чужом распоряжении.

В ящике стола лежала старая папка с делом о складском пожаре. Тогда она доверилась электронному акту осмотра, а позднее выяснила, что один из свидетелей подписал документ через чужую учётную запись. Никто не погиб, но невиновный кладовщик потерял работу. Лада исправила постановление, принесла человеку извинения и три месяца выслушивала насмешки старших коллег: слишком серьёзно отнеслась к мелочи. Теперь эта «мелочь» выросла до размера города. Она вынула из ящика бумажный блокнот, перенесла туда время передачи фотографий с Северной и подчеркнула не вывод о виновности, а простую фразу: «Не установлено, кто отдавал команду». Это была отправная точка, за которую ей придётся держаться.

Перед кабинетом Резанова Лада задержалась у зеркала. На рукаве ещё виднелась белая пыль с бетонного колодца. Она не стряхнула её. Пусть начальник видит, что его следователь этой ночью находилась там, где в отчётах обычно ставят галочку «осмотрено».

Список висел в закрытом разделе служебной сети, куда имели доступ только сотрудники группы. Она пришла в управление в пальто, пахнущем машинным маслом, с сухими фотографиями на карте памяти и бумажной распечаткой от Ильи. Секретарь начальника не предложила ей кофе. Обычно предлагала.

— Зайдите к Максиму Борисовичу, — сказала она. — Он давно ждёт.

Полковник Резанов сидел у окна, где никогда не поднимали жалюзи. Он был аккуратным человеком, неприятно аккуратным: ручки лежали под прямым углом к краю стола, бумажные папки делились по цветам, даже паузы в разговоре казались поставленными на учёт.

— Что вы делали на Северной? — спросил он.

— Устанавливала обстоятельства аварии.

— Ночью. Без письменного поручения. Вместе с главным подозреваемым. На объекте, где произошло несанкционированное вмешательство.

Лада положила перед ним копию листа с инструкцией «обеспечить недоступность ручных приводов».

— А кто дал поручение заблокировать резерв больницы?

Резанов не взял лист.

— Вы давно служите, Серова. Вы умеете отличать допрос от спора?

— Отличаю. При допросе есть протокол, а спор обычно начинают со слов «не лезьте».

Он снял очки и медленно сложил их.

— До окончания служебной проверки вы отстранены от материалов по «Контуру». Техника и служебная карта остаются у нас. Вы можете написать рапорт. Не советую тратить силы на обвинения в заговоре.

— Я собираюсь написать рапорт о возможной угрозе жизни людей. Кто примет?

— Канцелярия. Как положено.

— И поставит штамп?

— Как положено, — повторил он.

У двери Лада задержалась.

— Максим Борисович, знаете, что самое странное? Вы говорите «несанкционированное вмешательство», когда в городе нет воды. Не «спасение», не «восстановление». Вам уже дали название события.

— Серова, уйдите.

В коридоре её ждал молодой эксперт Костя Логинов, который три месяца вместе с ней разбирал акты приёмки цифровых систем. Он не посмотрел ей в глаза. Вместо приветствия вложил в руку сложенный чек из кофейного автомата. На обороте была последовательность цифр и слов: «Сертификат не просто не отозван. На него выдано делегирование. Время 02:58. Проверяй вне сети».

— Чек за кофе? — громко спросила Лада.

— Машина сдачу зажала, — ответил Костя и ушёл, не оборачиваясь.

Она спрятала бумажку, вышла на улицу и позвонила не Артёму, а Марине Седельниковой — прокурору, с которой работала по делу об обрушении путепровода. Марина была человеком, который никогда не обещал помощи в начале разговора. Если говорила «приходите», это означало, что готова услышать плохие новости.

— У меня есть материалы по аварии, которые могут исчезнуть, — сказала Лада.

— Они получены законно?

— Некоторые. Другие требуют проверки. Я не хочу подменять процесс спасательной вылазкой.

— Приходите к двенадцати. До этого подготовьте письменное заявление и список источников. И, Лада, не встречайтесь с журналистами, пока не решим вопрос с сохранностью оригиналов.

Тем временем Артём разглядывал отцовский расчёт в тесной комнате геодезиста. Старые схемы были неприятно конкретны. Там не было слова «цифровизация», зато были отметки высот, допустимые перепады, объёмы резервуаров и отдельные подписи тех, кто вносил исправления. Каждый мог спорить с цифрой, потому что видел, откуда она взялась.

— Схема кольца не закончена, — сказал Крылов. — Здесь три города: Новолесск, Верхнегорск и Белояр. Между ними не один общий пульт, а пять независимых переходов. Электричество, вода, связь, дороги и запасные склады. Мы назвали это «Империей» в шутку. Империей, где любой узел способен продержаться без столицы.

Артём коснулся пожелтевшего листа с фамилией отца.

— Он почему не показал мне?

— Показывал. Ты говорил, что будущее за умными системами.

От этих слов стало больнее, чем от упрёка. Не потому, что старик был прав, а потому, что Артём услышал собственного семнадцатилетнего себя: нетерпеливого, самоуверенного и уверенного, будто старое равно ненужное.

Телефон издал длинный тревожный сигнал. На экране появилась новость: «Муниципалитет сообщает о восстановлении водоснабжения благодаря экстренным мерам оператора „Контур“». Внизу стояла фотография Зорина в диспетчерской — он указывал пальцем на синюю карту.

— Они уже присвоили результат, — сказал Артём.

Крылов пожал плечами.

— Вода от фотографии не прибавится.

Артём хотел усмехнуться, но заметил новую строку: «Подача через нештатные механизмы может привести к нарушению санитарных требований. Просим жителей не открывать ручные узлы». Это была угроза, оформленная как забота. Теперь любой сосед мог принять инженера с ключом за преступника.

В 07:03 Артём пришёл на старый железнодорожный пост. Отсюда отец когда-то следил за нагрузкой мостовых пролётов. Пост не относился к муниципальной цифровой сети: табло поездов работало по отдельному каналу, сообщения передавали по рации и проводной линии, расписание дублировали на бумаге. Дежурная Тамара Ильинична с короткой седой стрижкой узнала его по фамилии.

— Виктора сын? На отца всё больше похож, только глаза у тебя злые. Зачем пришёл?

— Мне нужен канал, который не выключается одним приказом городского диспетчера.

— У меня такие вопросы ставят прямо. Кому звонить?

Артём назвал телефон железнодорожной подстанции и фамилию инженера, отмеченную отцом в схемах. Тамара Ильинична не стала просить разрешения в приложении. Она сверилась с перечнем служебных контактов, обвела нужную строку карандашом и набрала номер с аппарата, которому уже было двадцать пять лет.

— Вадим, это станция Новолесск. У нас тут сын Веденина с бумагами. Да, того самого. Да, говорит о резервном питании. Нет, никуда пока не едет. Сначала скажи, есть ли у тебя возможность.

Она передала трубку Артёму.

— У нас независимый ввод на технический склад, — сказал мужчина на другом конце. — Больницу им не запитать, но можно дать связь аварийной бригаде и зарядить аккумуляторы. Всё остальное по согласованию с диспетчером энергосистемы. Не заставляйте меня нарушать инструкции ради красивой истории.

— Мне нужна не история, — сказал Артём. — Мне нужна схема, по которой можно согласовать работу быстрее, чем больница останется без света.

— Присылайте расчёт на факс. Да, на факс. И пусть звонит их ответственный энергетик.

Тамара Ильинична повесила трубку и отыскала чистый лист.

— Напиши аккуратно. У нас последний рулон бумаги, — сказала она. — И не называй это спасением города. Мы пока только находим, кто ещё способен отвечать за свою часть.

На соседнем пути прошёл грузовой состав. Мимо окон проплывали вагоны с углём, щебнем, мукой и водой в специальных цистернах. Страна за пределами Новолесска продолжала двигаться. Артём впервые задумался не о том, как открыть одну задвижку, а о том, как разыскать все связи, которые город объявил лишними.

И именно в эту минуту сработала его банковская карта: попытка списания задолженности, которую он оспаривал после увольнения. Денег на счёте не было. За дверью поста стояли двое мужчин в гражданском; один рассматривал вывеску, другой — припаркованные машины. Третьего предупреждения по телефону не пришло.

Тамара Ильинична посмотрела в окно, затем на Артёма.

— Через служебный выход. Дорогу к складам помнишь?

— Помню.

— Хорошо. Потому что лишнюю героику моя смена не принимает.

Глава 8. Дно Верхнего

На Верхний резервуар нельзя было приехать с главной дороги. Дорога заканчивалась у бетонной площадки, где раньше стоял сторожевой вагончик. За площадкой шёл служебный подъём по склону — когда-то по нему возили щебень, теперь там росла жёсткая сухая трава и торчали остатки арматуры. На вершине под снегом скрывались два круглых накопителя. Оттуда вода спускалась в город без единого работающего насоса.

На плане резервуар был обозначен аккуратным голубым прямоугольником. Вживую он выглядел как растрескавшаяся бетонная чаша среди зарослей прошлогодней травы. За ограждением ветер гнал бумажные стаканчики и пустые пакеты, оставленные ремонтной бригадой. На будке охраны висела доска почёта с выцветшими фотографиями людей, которые когда-то отвечали за этот объект. Большинство фамилий Артём помнил по старым ведомостям; половина сотрудников давно ушла. Новая система умела показывать уровень воды с точностью до десятых долей процента, но не знала, куда исчезли те, кто обслуживал поплавковую линейку.

Илья указал на ржавые ступени: его дед работал здесь, пока ноги позволяли подниматься на крышку камеры. Дед не был против компьютеров и даже первым купил домашний принтер, чтобы распечатывать внучке школьные фотографии. Только однажды сказал: если убираете человека с участка, оставьте хотя бы того, кто понимает, почему цифра меняется. Илья тогда рассмеялся. Сейчас смех казался ему предательством.

— Вы сколько здесь получаете? — спросил Артём.

— Меньше, чем обещали. Зато нам оплачивают обучение на платформе. Я прошёл четыре курса. Там рассказывают, что делать, если датчик показывает аварийный уровень. А если он показывает норму при пустом баке, правильного ответа нет.

Они обошли резервуар по периметру. У дальнего ограждения нашли следы колёс, хотя подъезд сюда должны были закрыть ещё зимой. Илья сфотографировал рисунок протектора вместе с линейкой, затем снял общий план, чтобы можно было доказать место. Артём не стал говорить о преступлении: следы могли принадлежать обычной служебной машине. Прежде он бы сразу построил красивую гипотезу и начал защищать её. Ночь в Северной научила его более трудной привычке — складывать факты отдельно от догадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.